

Я – не нянька!

Тётушка Маффи была преуспевающей, неунывающей и очень одинокой толстушкой. Я иногда заглядывал к ней, благо, жила она на приличном расстоянии от Сердцевины. Угощался вкуснейшими нектарными кексами, вполуха слушал её бесконечное жужжание, стрекотание и прочее звуковыражение, а заодно проверял, не собирается ли она освободить очередное гнездо.

Мне казалось, что Маффи абсолютно счастлива в своём одиночестве и не помышляет о большой семье, но, как выяснилось, я плохо разбираюсь в психологии толстухек. Так вот, однажды тётушка Маффи вылетела на поиски мужа-однодневки, как она выразилась, и долго не возвращалась. Я даже начал присматриваться к её заброшенному жилью, как хозяйка всё же объявилась: задумчивая, растрёпанная и неприлично счастливая. Видимо, она всё же кого-то нашла, потому что на следующее утро принялась вить новое гнездо.

Тут надо отметить, что тётушка Маффи была лучшей мастерицей по плетению гнёзд во всей Сердцевине и её окрестностях. Никто больше не укладывал стройволокна в такие причудливые орнаменты, никто не подгонял утеплитель столь же тщательно - волосок к волоску, и, самое главное, только гнёзда тётушки Маффи обладали такой непревзойдённой влагостойкостью. Наверное, именно поэтому я всегда околачивался неподалёку – категорически не умею вить гнёзда, а жить где-то надо. Застолбить хорошее гнездо – тоже надо уметь, и лучше всего для этого подружиться с его первым хозяином. В моём случае, с Маффи.

Вообще-то, у всех гнёзд есть один удручающий недостаток: недолговечность. Едва солнце успевает пару раз пройти полный цикл, тепло дважды сменяется холодами, как – глядь! - уже трухлявятся стены, рушится крыша, проваливается пол. И ещё запах, да. После нескольких проливных дождей уютные прежде стены из стройволокна начинают источать жуткий запах, на который слетается целое полчище крокомух. В считанные секунды от жилища ничего не остаётся. К сожалению, такова участь каждого гнезда, даже самого крепкого. И Маффины – не исключение. Однажды я зазевался, так крокомухи меня самого чуть не съели. Разбойницы.

Так что тот факт, что тётушка Маффи начала обустраивать себе новое убежище весьма меня порадовал. Мне уже несколько лун приходилось спать под грибообразным выростом на коре дуберёзы и делать вид, что меня это нисколько не смущает.

Итак, свершилось. В рекордные сроки толстушка возвела шикарное логово. Как обычно, совсем недалеко от прежнего, на соседней ветке дуберёзы. Отличное, крепкое, лёгкое и ... просто огромное гнездо. На мой невысказанный вопрос, тётушка многозначительно опустила глаза. И только тут я заметил, что она и сама изрядно увеличилась в размерах. Оказалось, толстушки тоже толстеют, просто это не все замечают. Видели бы вы её живот!

Я поразился, как тонкие крылья Маффи выдерживают такую несусветную тяжесть? Однако, сама мастерица никаких неудобств, по-видимому, не замечала. Она вообще в то время ничего не замечала. Даже меня. Напевала что-то, танцевала, кажется, начищала крылья до полной прозрачности. Как интеллигентный сосед, я решил не навязываться со своей просьбой об аренде покинутого помещения, а просто тихонько перенёс туда нехитрые пожитки и остался, выжидая удобного момента, чтобы обсудить с хозяйкой условия аренды.

Пустое гнездо было очень уютным, и, как обычно, совершенно незаслуженно покинутым. Я навёл в нём свои порядки, развесил кружевную паутину по углам, для уюта, крышу прикрыл лёгкими пушинками, для красоты, и начал жить припеваюче.

Удобный случай объясниться с хозяйкой представился скоро. Я пролетал мимо её нового шикарного дома и задержался напротив окна, чтобы полюбопытствовать, что же происходит внутри. Увидев меня, тётушка Маффи тут же приветливо махнула:

- Доброго света, Хиппо! Добро пожаловать в мой новый дом.

- Доброго света, Маффи, - вежливо поздоровался я. – Как ты похудела!

- Да неужели? – засмущалась соседка и счастливо улыбнулась. – Хотя это неудивительно. Взгляни-ка сюда, дорогой Хиппо.

И она с великой гордостью показала мне два ряда крупных, пятнистых, свежеотложенных яиц, укрытых со всех сторон теплопухом.

- Ого! – вырвалось у меня. Я настолько не ожидал от своей домовладелицы чего-то подобного, что на время потерял дар речи. – Ну, что ж... Э-э-э... Поздравляю, соседка!

- Как они тебе? – затаив дыхание, поинтересовалась Маффи.

«Яйца, как яйца!» Но я смекнул, что такой ответ не сильно обрадует новоиспечённую мамашу.

- Э-э-э... Они такие... м-м-м... круглые! – сказал я.

- Самые круглые, - восхищённо подхватила мою мысль Маффи.

- И они... эм-м-м... такие блестящие, - воодушевился я.

- Это правда, Хиппо! – Маффи чуть не прослезилась, глядя на своё богатство.

- И их так много! – я постарался придать голосу столько восторга, сколько смог туда впихнуть.

- О, да! Их ровно десять!

- Не может быть! – изумился я. – Ровно десять!

- Можешь посчитать, - разрешила мамаша, застенчиво улыбаясь.

- Ну, конечно! – «Нет большего удовольствия в жизни, чем считать чьи-то круглые блестящие яйца». Я послушно пошевелил губами, сделав вид, что считаю. – Действительно, ровно десять. Поздравляю тебя, дорогая соседка, с этим счастливым событием. Думаю, тебе понадобится добрый друг, живущий неподалёку, который всегда сможет прийти на помощь, в случае необходимости. Скоро ли появится выводок?

- Довольно скоро, дорогой Хиппо. И я, конечно, не против, если ты займёшь моё прошлогоднее жильё, - милостиво разрешила она.

«О, да!»

- Благодарю, Маффи! – Я не стал уточнять, что уже благоустроил вышеупомянутое гнездо по своему вкусу. – Что ж, до встречи. Я залечу проведать вас, когда придёт долгожданный час вылупления.

- Это очень мило с твоей стороны! – попрощалась со мной толстушка.

«Ещё бы!»

Но вылупление я проспал.

Однажды утром я проснулся от странного ощущения: оказалось, ветви дуберёзы монотонно покачиваются, а вместе с ними оба гнезда Маффи: старое и новое. Донёсся до меня и непонятный звук. Жующий или грызущий, я не понял, но явно какой-то пищепоглощательный. Я осмотрелся вокруг, и понял, откуда он доносится. Из соседнего гнезда!

«Ясно! Пришла пора расточать похвалы соседским деткам! Что ж, мне не сложно!» - тут же решил я и отправился в гости. Да и любопытно было поглядеть, что там у Маффи в конце концов получилось. По дороге я галантно совал цветок красопетки, намереваясь вручить его толстушке в честь великого события.

Огромное гнездо тряслось и поскрипывало. Я вежливо постучал, один раз, потом ещё несколько, но ответа так и не дождался. Тогда я вошёл без разрешения и, оглядевшись внутри, не сумел сдержать восклицания:

- Ух ты! Они вылупились!

Надо признаться, я так и не понял, кто был отцом выводка. Но то, что детки не пошли в мать – было очевидно с первого взгляда. В том месте, где Маффи не так давно демонстрировала мне десяток пятнистых яиц теперь остались одни ломаные скорлупки. Малыши же расползлись по всему дому и больше всего напоминали розовобрюхих гусениц с чёлками. Ну, может, не с чёлками, но какие-то выросты на их головах наблюдались.

Гусеницы ели. То есть, не так. Они ЕЛИ. Синхронно пережёвывали что-то зелёное, мясистое, поскрипывая то ли зубами, то ли челюстями, то ли самой мякотью. Эта синхронность заставляла домик трястись и поскрипывать.

Тётушка Маффи с безумно счастливыми глазами (или счастливо-безумными, это как посмотреть) сновала среди своего розового выводка и снабжала питомцев зеленью из корзины. Она взглянула на меня несколько растерянным взглядом:

- У меня тут... вот, детки.

- Поздра... - вежливые слова застряли у меня в глотке, когда одна из гусениц приняла мои зелёные пятки за кусок пищи. Я боязливо подпрыгнул, насилу выдернув ногу из пасти малышки.

- Не хулигань, Два-десять! – строго пожурела детёныша мама.

- Э-э-э...

- Да, это я их пока так называю. Закрутилась что-то, не успела всем подобрать красивые имена, и вот... - объяснила Маффи, заталкивая очередной лист в чей-то распахнутый рот. – Три-десять, Пять-десять... Семь-десять, слезь со стола! – гаркнула она так, что я подпрыгнул. Семь-десять даже чёлкой не повела в сторону матери.

- А как же десятый? – глупо поинтересовался я.

- А что десятый? – не поняла Маффи.

- Один-десять, Два-десять, а как зовут десятого?

- Десять-десять, как же ещё? – рассеянно бросила мне соседка и понеслась снимать со стола хулиганку Семь-десять. – Но это временно... Вообще-то, я не думала, что потребуется так много еды, – устало призналась она и оглянулась по сторонам.

Гусеницы жевали. Молча и сосредоточенно.

- Если так пойдёт и дальше, мне может не хватить запасов мясолиста, - всплеснула руками Маффи. – Как жаль, что я не подумала оформить доставку на дом заранее.

«Что-что? Мясолиста? Да тётушка Маффи даже запаха его раньше не переносила. Что-то здесь явно не так!»

Видимо, мысли отразились на моём лице, потому что Маффи их тут же прочла.

- А что ты на меня так смотришь? - спросила она. – В мясолисте больше всего белка, а он им сейчас очень нужен. Они, наверное, раза в два выросли с момента вылупления.

Я понимающе кивнул и начал медленно пятиться к двери, решив, что дальнейшее моё присутствие здесь не обязательно. Но тётушка обратила внимание на этот манёвр и мигом подскочила к двери, перекрыв путь к отступлению.

- Любезный Хиппо, мне очень нужна твоя помощь! – взмолилась она. – Не мог бы ты слетать в службу доставки «Мясолист и Ко» и оформить заказ от моего имени?

Думаю, она сразу заметила, как я побледнел.

- Никак не могу, дорогая соседка, - с трагическим лицом посетовал я. – Не имею права появляться в Сердцевине с тех пор, как поймал и съел... Ну, не важно, кого... Не могу, одним словом.

- О-о-о, - разочарованно протянула Маффи и опустила руки. Но в сторону не отошла. Гусеницы зажевали с удвоенной силой, а в глазах соседки засветилась новая мысль.

- Тогда сделаем так! – радостно заявила она. – Я слетаю в «Мясолист и Ко», а ты присмотришь за детками!

- Я? За детками? – от изумления я разжал руку и, так и не подаренная, красопетка выпала на пол. Одна из гусениц тут же подползла, съела её и не поморщилась. - За детками я не могу. Я же не нянька!

- Ещё как можешь! - угрожающе произнесла Маффи, неожиданно нависая надо мной всей своей массой. Я впервые осознал, что она раза в два меня крупнее. И как-то сразу оробел. Почуввав моё смирение, соседка чуть отступила и закончила уже спокойней: - Я мигом обернусь, туда и обратно. Я же не прошу тебя их купать, чистить или поить молоком. Только кормить и следить, чтобы не расползлись по дуберёзе.

- Э-э-э...

- А ты сможешь и дальше пользоваться моими гнёздами для житья или укрытия, как тебе вздумается, - пообещала она. – И я никому в Сердцевине не скажу, что видела тебя здесь.

- Ну, хорошо, - сдался я. Она снова заулыбалась, как ни в чём не бывало. – Вон за той дверью – кладовка, там есть ещё пара корзин мясолиста. Я скоро вернусь.

Уже из-за двери я услышал её голос:

- И не давай им расползаться!

«Легко сказать!»

Я осмотрелся, пытаюсь сообразить, где я могу пересидеть в безопасности то время, пока отсутствует мать семейства. До Сердцевины лететь далековато, да и в службе доставки может быть очередь. Недолго думая, я направился в кладовку и вытянул оттуда остатки мясных листьев прямо в корзинах. Розовые гусеницы мигом учуяли лакомство и сползли на запах со всех сторон. Казалось, они растут прямо на глазах, потому что места вокруг двух корзин для всех не хватило. Гусеницы начали толкаться, освобождая себе путь к кормёжке. Я с трудом вывернулся из самой гущи розовых мохнатых тел.

«Прожорливые, как крокомухи, честное слово!»

От чавканья, скрежета и шуршания перемалываемых листьев разболелась голова. Я забрался повыше на стену и уселся там, то и дело поглядывая в окошко, не летит ли любезная Маффи.

Но мамыши всё не было, а мясолист быстро закончился. Растерянные гусеницы слегка затихли, перестали толкаться и заозирались по сторонам. Обползав весь дом вдоль и поперёк, и подобрав последние крохи листьев, обнюхав друг друга и собрав случайные капли сока, гусеницы расстроились. Еды внутри домика больше не было. К счастью, на меня они почти не обращали внимания, и я уже решил, что теперь-то мы благополучно дождёмся возвращения хозяйки. А потом я спокойно полечу домой, отдыхать после пережитого стресса.

Не тут-то было. Стоило мне немного расслабиться, как одна из гусениц решительно направилась к окну. Листья дуберёзы заманчиво покачивались на ветру, и бестолковая малышка вздумала попробовать их на вкус.

- Стоять! — как можно строже воскликнул я. Но гусеница уже добралась до подоконника, и остальные, не столь сообразительные, направились за ней следом.

- Кому сказал! Стоять! — Бесполезно. Меня или не слушались или не слышали. И то и другое меня не совсем устраивало, поскольку ответ держать предстояло перед их рассерженной мамашей. Я сорвался с насиженного места и преградил гусеницам выход. Одну пришлось отклеивать от окна, к которому та успела прилипнуть мягким клейким животом. «Что за гадость?»

Гусеницы приостановились.

- Так-то лучше! — строго сказал я и сложил руки на груди в позе непоколебимого достоинства.

Розовые развернулись и наперегонки направились к другому окну.

- Куда? — я рванул наперерез, на ходу соображая, чем бы заткнуть окна. Но было поздно. Маффины детки со странными звуками, подозрительно похожими на хихиканье, разделились и поползли в разные стороны.

«Караул!»

Пометавшись немного от окна к окну, наблюдая, как подопечные ускользают одна за одной, я признал поражение и решил сосредоточиться на другой задаче: сохранить хотя бы двоих. Поэтому я крепко схватил поперёк толстого тела одну гусеницу, наступил на хвост второй и попытался таким образом удержать их обеих.

«Ха!!!»

Гусеницы переглянулись, что-то пискнули друг другу и начали вырываться.

«Ух, какие сильные!»

Видно, мясолистные белки не пропали даром, а отлично ими усвоились. Потому что силу они продемонстрировали изрядную и довольно успешно выкручивались из моих объятий. Но я тоже был упорен. Вцепился мёртвой хваткой и каждую секунду надеялся на возвращение Маффи.

Тогда гусеницы применили против меня какое-то секретное оружие. Их мягкие животы вдруг стали такие же клейкие, как у той гусеницы, что прилепилась к окошку. Чем дольше я их удерживал, тем сильнее ощущал, что руки тонут в клейких нитях. «Фу!» Но хуже было то, что клейковина, опутывая моё тело, на воздухе как бы сгущалась, превращаясь в твёрдое вещество, не позволяющее мне пошевелиться. Не успел я моргнуть глазом, как оказался накрепко связан по рукам и ногам. «Одно хорошо, Маффины детки приклеились ко мне намертво!»

- Теперь не уползёте! – торжествующе взревел я, но снова ошибся. Гусеницы просто поплевали на свой клей, который тут же сделался снова мягким, и благополучно освободились. И, конечно же, выползли вслед за остальными в окно.

«Катастрофа!»

Я лежал, спеленатый в виде кокона, и ждал возвращения мамы Маффи. Клейковина гусениц странно пахла и, наверное, обладала усыпляющим действием, потому что я не заметил, как уснул в самой неудобной позе, какую только можно себе представить.

В чувство меня привели сильные удары по щекам. Широкое тёмное лицо Маффи нависало надо мной и орало:

- Где они? Где они?

Казалось, в ней что-то заклинило. Потому что она не давала мне даже вставить ответ, только кричала: «Где они?» и трясла меня, как пустую шкурку.

Наконец, я успел прохрипеть:

- Выползли в окошко, маленькие...

Хорошо, что Маффи не слышала того слова, которым я наградил её драгоценных малюток. Она уже вылетела наружу. По стрекотанию её крыльев я понял, что толстуха летает кругами вокруг гнезда. Я осмотрел себя и обнаружил, что клейковина почти распалась, остались лишь неприятные клочья ткани, свисающие с меня в изобилии. Потратив какое-то время на освобождение от этой гадости, я тоже вылетел на свежий воздух.

Погода была чудесная: Великий Свет дарил тепло всем желающим, а листья дуберёзы давали плотную, колышущуюся тень. Я залюбовался миром, и только потом заметил затихшую Маффи. Она сидела на одной из мощных ветвей и дрожала.

- Прости меня, соседка, - счёл нужным произнести я.

- Как же ты меня напугал, Хиппо! – она подняла голову. – Как ты мог быть таким невнимательным?

«Кто? Я?» - я чуть не задохнулся от возмущения.

- Они же совсем маленькие, совсем несмышлёныши, и такие аппетитные, - продолжала укорять меня Маффи. – Кто угодно, мог их обидеть.

«Ага, как же!»

- Нам повезло, что с ними ничего не случилось, - примиряющее вздохнула тётушка.

Я вопросительно посмотрел на неё.

- Рад это слышать, но откуда ты знаешь?

- Эх ты, Хиппо, Хиппо, - покачала головой соседка и улыбнулась. - Да вот же они, прямо перед тобой!

Я посмотрел, куда показывала тёмная рука Маффи, и онемел от удивления. Передо мной, на параллельной ветке дуберёзы, в рядок висели десять розовых коконов, примерно одного размера.

- Э-э-э...

- А ты что думал, они останутся в промежуточном состоянии? – посмеялась надо мной Маффи. – Даже такой как ты должен был заметить, что детки не похожи на мать.

«Такой, как я?»

- Я заметил! - защитился я.

- Ну да, ну да, - покивала она, явно из вежливости. Я вознамерился обидеться, но тут один из коконов зашевелился.

- Семь-десять, - взволнованно прошептала Маффи. – Первая.

«Откуда она знает?» - успел подумать я, и тут началось. Я не художник, чтобы нарисовать картину, и не поэт, чтобы описать словами ту сцену, что предстала перед нами в тот день. Скажу только, что более завораживающего зрелища я ещё никогда не видел. Я с открытым ртом наблюдал, как из коконов появляются очаровательные ножки, кудрявые головы и радужные крылья. Я смотрел, как эти красавицы, одна за другой, разминают руки, поводят плечами, потягиваются, расправляют крылья. Я видел, как они обнимают и целуют толстушку-мать, слышал, как звонко и радостно смеются, и отчаянно надеялся, что хотя бы одна из десяти обратит внимание на меня.

«Пожалуйста, ведь я же ваша нянька!»